

А. Н. ВЛАСОВ

Поздние Повесть о Стефане Пермском и Сказание о пермских епископах

(Проблемы литературной преемственности)*

Мифологизация образа Стефана Пермского начинается с появления известного житийного произведения, созданного Епифанием Премудрым. В основу некоторых его сюжетных мотивов легли устные предания о святителе. К числу наиболее ранних таких преданий можно отнести известный эпизод из Жития Прокопия Устюжского, в котором описан факт предсказания рождения святителя его будущей матери, отроковице трех лет от роду. Причем наиболее полно это местное предание отразилось в раннем списке Жития Прокопия Устюжского середины XVI в., где в отличие от более поздних редакций этого памятника называются не только имена родителей Стефана, священника Устюжского Успенского собора Симеона и Марии, но и указывается на его принадлежность по материнской линии к роду устюжского кузнеца Ивана Секирина, деда святителя.¹ К подобного рода церковным преданиям можно причислить и известный эпизод из Жития Сергия Радонежского, в котором рассказывается о благословении Сергием Стефана, когда тот проезжал мимо обители святого, не имея возможности с ним встретиться лично.²

В Житии Стефана к такого рода церковным преданиям следует отнести прежде всего эпизоды прения Стефана с волхвом Пам-сотником, рассказ об уничтожении пермской кумирницы — «прокудливой» березы и др. Эти мотивы восходят к архетипическим моделям народного мировоззрения. Однако они уже воспринимаются как литературные факты и события церковной жизни. Ближайшей такой сравнительно-ассоциативной моделью может служить сюжет и тип литературного героя Жития Леонтия, епископа ростовского. Подобно этому ростовскому святому, Стефан Пермский в своей миссионерской деятельности сталкивается с сопротивлением местного языческого народа.

Параллель эта не столько отдаленная литературная аналогия, сколько литературно-агиографический прообраз, возникший в условиях стадийной преемственности литературной традиции Северо-Востока Руси от Ростова Великого. Во всяком случае ощущение этой живой связи можно мотивиро-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ грант № 03-04-00296а.

¹ Власов А. Н. Устюжская литература XVI—XVII вв.: Историко-литературный аспект. Сыктывкар, 1995. С. 19—34.

² Прохоров Г. М. Равноапостольный Стефан Пермский и его агиограф Епифаний Премудрый // Святитель Стефан Пермский. СПб., 1995. С. 5.

вать тем, что Епифаний и Стефан имели прямое отношение к ростовской культурной традиции и принадлежали к ростовской книжной школе.³

Ближе к народным версиям повествование о миссионерской деятельности Стефана, положенное в основу поздней Повести, которая известна в двух списках XVIII и XIX вв.⁴ В состав этих рукописей кроме Повести о Стефане Пермском входят Перечень пермских епископов (или Сказание о пермских епископах) с краткими сведениями об их правлении, Повесть об убиении епископа Питирима. Повесть о Стефане содержит ряд эпизодов, извлеченных из Жития Епифания, и два эпизода, не известных по другим письменным источникам: рассказ об ослеплении зырян-язычников и новую версию рассказа о сокрушении святым языческой кумирницы. Эти дополненные эпизоды имеют явно устное происхождение.

В Повести о Стефане и Сказании о пермских епископах дана своеобразная историческая оценка поздними авторами внутренних событий в Пермской епархии. Повесть близка по содержанию к другому местному памятнику — Вычегодско-Вымской летописи.⁵ При этом удивительно переплетается и судьба этих двух произведений в истории книжной культуры местного края.

Как известно, переписанная местным фольклористом П. Дорониным в 30-е гг. XX в. рукопись, в состав которой входили царские грамоты о пермских землях и летопись устьвымской церкви, была утеряна. Из краткого описания, сделанного П. Дорониным не очень профессионально, следует, что ее написал в 1813 г. учащийся вологодской семинарии А. Шергин.⁶ В сборник Шергина вошли копии документов и летописи, которые составитель снял с подлинников, хранившихся в Оквадской церкви и впоследствии отправленных в Вологодский архиерейский дом по требованию Вологодского епископа Евгения (Болховитинова). В утерянном сборнике нашей Повести не значится. Но в Национальном архиве Республики Коми была обнаружена другая рукопись, которая поступила туда на хранение из Коми Областного музея (ныне Национальный музей Республики Коми) под номером 474. Эта рукопись размером в 8-ю долю листа представляет собой отдельную тетрадку на 20 листах, переписанную уборым гражданским почерком начала XIX в. Время создания рукописи, в которую вошла Повесть в списке XIX в., и характер почерка позволяют с определенной долей осторожности предполагать, что ее составил тот же переписчик, который имел отношение к сборнику, обнаруженному П. Дорониным; и он же, очевидно, сделал позднюю переработку Повести со списка XVIII в.⁷ В состав этой ру-

³ Комарович В. Л. Литература Ростова XIII—XIV вв. // История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2. С. 50—66; Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII—начала XV в. М., 1980. С. 22—29.

⁴ РНБ, Q.I.1036, л.1—22; Национальный архив Республики Коми (далее НАРК), № 474, л. 1—20.

⁵ Флоря Б. Н. Коми-вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 218—231.

⁶ Доронин П. Документы по истории коми // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 256.

⁷ См.: РНБ, Q I № 1036. Сборник конца XVIII в. 22 л., 4°. Переплет картонный. Бумага ручная, русская. Филигрань (срезана). Полуустав поздний, киноварь в заголовках. Записи: на переплете этикетка: «№ 851 Устьысольской общественной библиотеки»; на поле л. 2

копии включены краткая Повесть о Стефане Пермском и Сказание о пермских епископах, список пермских епископов и небольшой фрагмент на коми языке Откровения Иоанна Богослова (другим почерком).

При сравнительном анализе текстов двух рукописей можно обнаружить, что их содержание практически идентично, но в Повесть о Стефане переписчиком XIX в. были включены несколько переработанных фрагментов из епифаниевского жития: 1) описание Пермской земли, 2) более распространенное повествование о детских годах святителя, 3) сведения о бегстве язычников на р. Обь и Чердынь, 4) сведения о построении церкви Благовещения и монастырской обители Михаила Архангела на Усть-Выми, 5) заключительный эпизод Повести о споре Стефана и Пам-сотника. Однако стилистически эти списки отличаются друг от друга. Прежде всего это касается лексических различий: например, в ранней рукописи мы встречаем выражение «попрана вера», а в списке XIX в. — «помрачена вера». Отметим, что текст позднего переписчика точнее передает текст оригинала, из которого вносились дополнения в Повесть. Добавим, что текст обоих списков Повести синтаксически членится на предложения, в построении некоторых фраз есть различия.

Обратимся к тексту Повести о Стефане Пермском по списку XVIII в. В самоназвании Повести («Месяца апреля в 26 день, Повесть о рождении, иже во святых отца нашего Стефана, епископа пермского, чудотворца, и о приходе его из Руси в Пермскую страну на Усть-вым, и о устройении места, и о низложении идолопоклонной веры, и о сокрушении кумирницы»⁸) отражено основное содержание текста, в котором обнаруживается ряд прямых совпадений с другими памятниками о пермском епископе. Таковую параллель можно провести с Житием Епифания, из которого составитель заимствовал все основные сведения биографического характера до прихода святителя в Пермскую землю. В целом Повесть представляет собой вид краткой редакции Жития.

В связи с этим возникает вопрос о соотношении текста летописной статьи и текста Повести. Событийный ряд в них совпадает, особенно если мы возьмем начальную часть Повести. Однако летописное сказание значительно меньше по объему. Текст Повести распространен за счет детализации и уточнений, риторических вставок, цитирования текстов Священного Писания, в дальнейшем увеличение повествовательного пространства происходит благодаря неоднократному повтору одной и той же сюжетной ситуации, близкой к народной сказочной прозе.

Сравним некоторые фрагменты текста двух списков Повести и летописи.

гражданским почерком дата: «1833 Год Март». Содержит: л. 1 — «Месяца апреля в 26 день, Повесть о рождении, иже во святых отца нашего Стефана, епископа пермского, чудотворца, и о приходе его из Руси в Пермскую страну на Усть-вым, и о устройении места, и о низложении идолопоклонной веры, и о сокрушении кумирницы». Нач.: «Бе святы Стефан родися во граде Устюге...»; л. 14 — «Изявление о начале пермской епископии, иже быша на Усть-выми епископи». Нач.: «Первый на Усть-выми Стефан, епископ Пермский, чудотворец...».

⁸ См.: Приложение к данной статье. Далее текст цитируется с указанием листов в скобках.

Повесть в списке XVIII в.

И вниде в Пермскую землю, яко овца посреди волков. И прииде на место, нарицаемое Усть-Вым. Водворися ту. Зане то бе место ему во всем по обычаю, паче иных тогда бе лесно. Но обаче Божиим изволением и молитвою святого место то устроися велми прекрасно, якоже о том последи изъясися. И помолився Господу Богу, нача обитати при древах. И келлию, и дом молитвенный устрои. Людем бо не бе живущим близу того места, идеже последи святые церкви и епископия устроися, но яко за полпоприща живяху (л. 2 об.).

Летопись⁹

Лета 6888 прииде Стефан на место, глаголемое Усть-Вымь, и тамо водворися. Зане бысть то место ему во всем по обычаю, паче иных мест тогда бысть лесно. И нача жити. При древес и келию и дом молитвенный устрои себе и людем. Не бысть бо тогда ... близ того места за полпоприща (с. 258).

Повесть XIX в.¹⁰

И прииде на место, глаголемое на Усть-Вымь, и тамо водворися. Зане бысть то место во всем по обычаю, паче иных местах тогда бысть лесно. Но обаче Божиим изволением и молитвою святого место то устроиша велми красно, яко о том после изъясися. И помолився ко Господу Богу, нача жити при древес. И келию и дом молитвенный устроив себе и людем. Не бысть бо тогда живущим близ того места, идеже последи святые церкви, епископия устроися, но яко за полпоприща живущим (НАРК, № 474, л. 4).

Из цитируемого фрагмента видно, что текст летописи стилистически ближе к позднему списку Повести.

Увеличение объема повествования происходило также за счет введения в текст диалогов и прямой речи героев. Например, когда пермяне во главе с Пам-сотником хотели выгнать Стефана.

Повесть XVIII в.

Пан-сотник и с ним мнози идолопоклонницы пермстии паки со берега поидоша на святого Стефана, несяху с собою луки, и стрелы, и дреколие. И на келлию возлестоша, хотяще ю разломати. А инии в стену ударяюще. А инии, луки напрягающе, хотяще святого от места того отгонити, и с ним новокрестившихся людей всех купно смертию притяху и глаголаху: «Да не можете ни един от нас живы избежати». Святый же нимало убояся и не стужи. И рече

Летопись

Пам-сотник же с ним и многии идолопоклонницы пермстии со берега поидоша к Стефану, несяху собою луки, и стрелы, и драколия. И на келию возлестоша, хотяще его разломати. А инии в стену ударяше. А инии, луки напрягающе, хотяще Стефана изгонити, и с ним новопросветившиеся всем купно смертно претяху и глаголаху: «Не можете ни един из вас живы избежати». Стефан нимало убояся и не стужи с таковаго нашествия идолопоклон-

Повесть XIX в.

Пан-сотник же с ним мнози идолопоклонницы перымстии паки со берега поидоша к святому Стефану, несяху собою луки, и стрелы, и драколия. И на келию возлестоша, хотяще его разломати. Один в стену ударяше. А инии луки напрягающе, хотяще святого отца Стефана онного изгонити, и с ним новопросветившихся, всем купно смертию претяху и глаголаху: «Не может ни один от вас живы избежати, ни едина зла сотворити». Святый нимало не

⁹ Текст цитируется по изданию: *Доронин П.* Документы по истории коми. С. 256—273. Далее в скобках указываются страницы.

¹⁰ Текст цитируется по списку: НАРК, № 474. Далее в скобках указываются шифр рукописи и листы.

к новокрещеным пермяном: «О, людие, братия, не печалуйте и не убоитесь, но имеем надежду на Господа Бога, да избавит нас он от всякого зла». И не моги стерпети такового нашествия идолопоклонников и всякого прещения. И паки помолився святой. Все тыи идолопоклонницы во един час ослепоса, кто где бе (л. 5—5 об.).

ников и всякого прещения, паки помолися Богу. И вся идолопоклонницы во един час ослепоса, кто где бысть (с. 259).

убояся и не стужи. Глаголаше к новопросвещеным пермяном: «О, людие, не печалуйтесь, но мы имеем надежду на Господа Бога, да он нас избавит от всякого зла». Не моги же стерпеть такового нашествия идолопоклонников и всякого прещения. Паки помолился Богу святой Стефан. Всеи ти идолопоклонницы во един час ослепоса, кто где бысть (НАРК, № 474, л. 6—6 об.).

На этом текстовые совпадения Повести с летописным сказанием исчерпываются.

Эпизод столкновения Стефана с Пам-сотником и пермскими людьми в Повести предстает в виде развернутого повествования, по структуре близкого к сказочной прозе (к развернутому сказочному мотиву испытания героя, который к тому же повторяется). Однако этот эпизод строится на известных книжных (библейских) реминисценциях. Первое нападение на Стефана заканчивается ослеплением противников благодаря чудесной помощи герою. Точно так же, как в сказке, святой задает своим противникам первую задачу — очистить от леса место для будущих церковных строений. Идолопоклонники обещают исполнить условие, по молитве святого прозревают и трудятся безропотно целых три дня. После завершения своего труда они захотели получить от святого плату и за это были наказаны во второй раз также ослеплением. Как и в первом случае, Стефан вновь помогает им прозреть и задает новую задачу — сделать насыпь и холм, прорыть рвы для укрепления места. Опять три дня работали идолопоклонники и проголодались. Святой вынес им три хлеба, три сухих рыбы и сосуд с водой, чем насытил более тысячи человек. Обратим внимание на явно евангельскую аналогию. Но пермяне, окончив работу, снова попытались получить со Стефана плату и в третий раз совершили на него нападение, но вновь были наказаны слепотой. Покаявшись, они обещали святому насыпать холм в том месте, где росла их главная кумирница — гигантская береза. Наконец, исполнив обещание, многие язычники поверили в силу христианина Стефана и приняли святое крещение. Пам-сотник же бежал по р. Выми вначале в Княжпогост (об этом не говорится в летописи), а оттуда через волок по р. Оби до Березова. Другие непокорившиеся пермские люди бежали по р. Вычегде через волок в Чердынь и дальше на р. Каму и Вятку.

Так заканчивается этот эпизод, в котором Стефан противостоял попыткам местных жителей расправиться с ним.

Ориентированный на стилистику устной легендарной прозы, этот эпизод тем не менее имеет книжный характер, и мотивированность действий Стефана не лишена элементов литературной обработки в духе демократической литературной традиции XVII в. Заканчивается Повесть вполне харак-

терной для агиографических сказаний концовкой — рассказом о построении церкви в честь Благовещения на рукодельной горе.

Последний эпизод Повести связан с разрушением языческой кумирницы пермян. Он отразился почти во всех источниках о миссионерской деятельности Стефана, в том числе и в Житии. В нем рассказывается о всеобщем поклонении пермян священной березе. Приняв решение «искоренить» кумирницу, Стефан сталкивается с сопротивлением языческих сил. Однако его победа над ними предопределена, так как он действует по воле самого христианского Бога («некогда бо явися ему святому Стефану Господь Бог в нощи и повеле тую кумирницу до конца безбоязно искоренить. А того вместо устроено будет божественная обитель» — л. 11). Перед нами известный мотив построения церкви (или обители) на месте языческих капищ. Далее повествование развивается благодаря троекратному повтору действий, связанных с уничтожением священного дерева. Герой принимается рубить березу трижды. Повествование насыщено демонологическими элементами: образ березы предстает в виде своеобразного мифологического существа, крона ее населена разными животными духами («...от древа же того слышася многие различные гласи и вопли и пискания мужескими и женскими и младых отрочат, воздушных и нечистых духов и глаголение: „Яко изгоняше нас отсюду, а наше есть древнее житие“» — л. 11 об.). Даже сама береза приобретает черты живого существа («от того древа с крови текше: овогда синя, овогда зелена и всякими виды... Древо же то подсешися, паде с воплем и многим кричанием и вихером, яко и земли потресеся» — л. 12).

Заключительная часть Повести в списке XIX в. представляет собой выписку из Жития («Якоже в житии его являет»), в которой находится разговор Пам-сотника с пермьянами. Однако композиционно, согласно замыслу составителя раннего списка Повести, заключительная часть — это напоминание о подвигах Стефана, логически завершающее повествование о нем, только с отсылкой к пространному житийному тексту: «Сице святой и равноапостольный Стефан прииде в Пермскую страну; и водворися на месте, глаголемем на устии Выми реке. И места устроив, и во святое крещение и в богоразумее приведе, и кумирницу низложи. Последи же и епископия устроися. Многа же и на озлобления от неверных и от некрещенных претерпе, якоже в житии его изявится» (л. 13 об.—14).

Таким образом, перед нами оригинальная повесть, в очень сильной степени ориентированная на стилистику устной прозы и сохранившаяся в двух версиях, XVIII и XIX вв. Она составлена на основе раннего текста житийной биографии Стефана Пермского. Повесть имеет определенные параллели с летописным сказанием из Вычегодско-Вымской летописи. Однако мы полагаем, что летописное сказание вторично по отношению к содержанию повести, в частности, потому, что стилистически оно ближе, как было показано выше, к версии Повести XIX в.¹¹ Источниками же основных сюжетных мотивов повести стали устные рассказы о святом, которые, по нашему мнению, и составляют так называемое местное церковное предание. В настоя-

¹¹ Вопрос о составе Вычегодско-Вымской летописи и ее датировке рассмотрен специально. См.: *Власов А. Н.* Миссия русской православной церкви в Пермском крае: (По материалам древнерусской письменности) // История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы: Исследования и материалы. Сыктывкар, 1996. С. 34—47.

щее время зафиксировано несколько устных преданий со схожими сюжетными ситуациями.¹²

За Повестью о Стефане в списке XVIII в. следует Сказание о пермских епископах («Изявление о начале Пермской епископии, еже быша на Усть-Выми епископи»). Оно начинается с имени Стефана («Первый на Усть-Выми Стефан, епископ пермский, чюдотворец...» — л. 14 об.) с перечислением его просветительских подвигов («еже научив пермян; и обратив ко Христовей; и крестив; и грамоту по пермску языку составил; и святыя книги написав; и волхва Пан-сотника припрев; и монастыри многия и церкви святыя в Пермстей стране устроив в лето 6880 (1372-го)» — л. 14—14 об.) и датой смерти («Преставися же святой Стефан епископ в лето 6904 (1396-м) месяца априлия в 26 день. Мощи же его лежат в царствующем граде Москве в Спасском монастыре на царstem дворе» — л. 14 об.). Кроме того, составитель в этой же статье указывает, что эти сведения были взяты им из текста Жития («Пространнее же о нем писано в его житии» — л. 14 об.).

В этой же статье говорится о том, что после Стефана на пермскую епископию был поставлен епископ Исаакий, без указания точной даты его правления. Кроме общих сведений («По Стефане епископе на Усть-Выми бысть епископ Исакий» — л. 14 об.) статья дополнена следующей фразой: «А сколько во епископии на Усть-Выми поживе, и како преставися, и где погребен бысть — о том не обретется нигде» (л. 14 об.).

Статья о следующем епископе Герасиме также не имеет конкретных дат его поставления, периода правления епархией и даты смерти. В летописи же говорится, что он был поставлен в 1418 г., а убит в 1439 г. «в месте зовомый Мыс» (неподалеку от владычного городка) от рук земских подьячих за то, что присоединил к епархии мирские угодья («распря угодийная») и, возможно, не рассчитался с ними при строительстве «ружного» храма («А то нечто суть земляные поделия на владычном горотке на строение храма ружново» — с. 266). В статье же Сказания причина насильственной смерти Герасима не указывается: «Прилучися святому отцу Герасиму, ехавшу путем, на некоем месте, на Усть-Вымском лугу, близ Устьвымска городка, за мало стадии от соборной церкви отстоя, удушен бысть святой за нечто от своих домочадец. Неповинно кончину восприя святой месяца генваря 24 день. А в которые годы святой Герасим на Усть-Выми во епископстве пребы и кончину восприя — о том много трудившися, искахом, и не обретохом» (л. 14 об.—15).

Таким образом, обнаруживаются значительные расхождения текста Сказания и летописи при освещении биографических данных пермских иерархов. Подобные несовпадения подсказывают, что составители Сказания и летописи не соотносили между собой данные источников этих двух памятников, хотя поздние списки их, как можно судить по текстовым совпадениям в Повести о Стефане XIX в. и летописном сказании, явно были скорректированы между собой.

Следующая статья Сказания повествует о епископе Питириме. Здесь также нет точной даты его появления на епископской кафедре и даты смерти, однако повествователь утверждает, что о его кончине ему было рас-

¹² Там же. С. 47—53.

сказано достоверно («О кончине же его некими достоверно обретоша, что восприя кончину от иноверных некрещенных вогуличь-вятчан, умучен свя-тый Питирим епископ, за Христа пострадав, скончася месяца августа в 19-й день» — л. 15). В начале этой статьи рассказывается о самом факте смерти Питирима и о посмертном чуде от его мощей («По убиении же на том месте, идеже святой Питирим умучен бысть, тело его святое лежаше сорок дней ничим вредимо, цело, и никакову тлению прикоснувшись, в августе и в сентябре месяцев хранимо во обрубе. Дондеже о нем писание в царствующий град Москву послася, и паки возвратися» — 15 об.).

Эти сведения существенно расходятся с данными летописей, в которых имя Питирима упоминается в нескольких статьях (за 1444, 1447, 1450, 1451, 1452, 1453, 1455 гг.) в связи с ожесточенной борьбой северян против Дмитрия Шемяки. Эти сведения в Сказании отсутствуют, но более детально там разработан эпизод гибели святого, который имеет заголовок «О кончине святого Питирима». Начинается повествование со слов: «Кончина же отца Питирима епископа сие бе» (л. 16). И далее следует подробный рассказ о насильственной гибели епископа. В нем повествуется, как «вогуличи-вятчане», обманом узнав о месте пребывания епископа, решили устроить на него засаду. Ничего не подозревающий Питирим после воскресной литургии с немногочисленными служителями отправился за городок Усть-Вымь в местечко под названием Вятский Наволок на берегу реки Вычегды. Вогуличи, чтобы незаметно подойти к епископу, применили хитрость — нарубив елей, они под их прикрытием по воде приплыли к месту, где находился епископ. Почувствовав опасность, Питирим совершил молитву и приготовился принять смерть. Вогуличи, достигнув берега, напали на епископа и убили его. Тело Питирима пролежало невредимо сорок шесть дней на одном и том же месте, пока донесение о его смерти не достигло Москвы.

Сосредоточенность повествования только на эпизоде гибели епископа позволяет нам отнестись рассказ о Питириме к жанру мартирий, а весь сборник к типу заупокойных синодиков.¹³

Здесь необходимо обратиться к статье И. Я. Шляпкина, который решительно отказывал в исторической достоверности этому рассказу и считал эпизод о гибели Питирима случайно помещенным в Сказание в результате ошибки позднего компилятора и неумелого его обращения с летописными источниками.¹⁴ Возможно, исследователь прав, указывая на историческую необоснованность появления этого рассказа, но поздний составитель тем не менее обыграл эти летописные данные и создал новое повествование в жанре церковной литературной традиции.

Следующая статья Сказания посвящена епископу Ионе, который был поставлен после Питирима. Запись о нем включает следующую информацию: «По Питириме епископе на Усть-Выми бысть епископ Иона, чюдотворец. А в которые годы и колико во епископстве пребыв — о том тружашеся, не обретохом. Но токмо обретохом о преставлении святого, на некоторых хартийцах у неких христоробцев написано ситце...» (л. 19 об.).

¹³ Петухов Е. В. Очерки из литературной истории синодика. СПб., 1895. С. 10—42.

¹⁴ Шляпкин И. Я. Св. Питирим, Епископ Пермский // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1894. Май. № 9. С. 121—131.

Затем составителем приводятся сведения о пермских чудотворцах с обозначением дат празднования и указываются причины их гибели и то, что во имя чудотворцев была построена церковь, а от мощей их происходили чудеса. Там же сообщается, что они были изображены на одной иконе. В конце этой небольшой статьи составитель сетует на отсутствие сведений о жизни чудотворцев и дает ясную отсылку на источник, в котором он почерпнул немногочисленные данные («Провозвещаем же вам и о иных, еще бывших по оных преждереченных, других епископов на Усть-Выми. По тех еще было пять епископов, а шестый епископ преведен с Усть-Выми на Вологду. Их же имена заупокойный синодик изьявляет, и святая церковь поминает» — л. 21).

Таким образом, «заупокойный синодик» явился третьим основным источником для составителя нашего сборника. Именно данный синодик, как нам представляется, оказал решающее влияние на создание отдельных сказаний о смерти пермских епископов.

Здесь же приводится список епископов Великопермских, которые поставлялись после Ионы. Список начинается с Филофея и заканчивается Иоасафом: «По Ионе епископе на Устьвыми бысть Филофей епископ. 7. По Филофеи епископе на Устьвыми бысть Никон епископ. 8. По Никоне на Устьвыми бысть Пимен епископ. 9. По епископе Пимене на Устьвыми бысть Алексей епископ. 10. По Алексии епископе на Устьвыме бысть Киприян епископ. 11. По Киприяне епископе на Устьвыми бысть Иоасаф епископ» (л. 21—21 об.). Заканчивается сборник сообщением о переводе епископской кафедры из Усть-Выми в Вологду и переименовании ее в архиепископскую. Здесь же говорится и о причинах, побудивших автора рукописи приступить к собиранию сведений о пермских епископах.

Итак, показав отличия двух текстов Повести и выявив некоторые закономерности этих отличий, мы можем сформулировать проблему датировки Повести, точнее ее архетипа, более раннего источника двух поздних вариантов. Обратимся к документальному материалу. Одним из таких источников является челобитная 1717 г. усть-вымского священника Евтихия к архиерейскому дьяку в Вологду о том, чтобы тот «порадел» за усть-вымских священников и прислал известные ему сведения о пермских чудотворцах Герасиме, Питириме и Ионе, так как «приходящие к чудотворцам богомольцы о том деле осуждают, что мы не ведаем».¹⁵ В этом документе ясно указывается, что никаких письменных свидетельств о пермских святителях в начале XVIII в. не было в распоряжении местных священнослужителей, не имели они и записей о чудесах от гроба святителей.

Очевидно, вологодский архиерейский дьяк не смог выполнить их просьбу. По крайней мере об этом мы узнаем из другого документа за 1745 г. В Грамоте об освидетельствовании мощей пермских епископов фиксируется, что комиссия во главе с игуменом Теплогорской пустыни Устюжской епархии не смогла найти каких-либо письменных свидетельств о жизни и деятельности этих епископов, кроме записи на иконе трех святителей, в ко-

¹⁵ Михайлов Н. Усть-Вымь. Вологда, 1851. С. 84.

торой указывалось время их всероссийской канонизации 1607 г., и небольшой записки о дате смерти епископа Ионы — 1471 г.¹⁶

Сопоставляя все эти данные, а также учитывая время создания ранней рукописи (конец XVIII в.), можно заключить, что Повесть и Сказание о пермских епископах вряд ли могли быть созданы ранее 1745 г., что касается и Сказания о чудесах об исцелениях от мощей святителей.

Привлечем еще один источник, казалось бы, весьма авторитетный и упоминающийся в известной устьвымской (Мисаило-Евтихеевской) летописи. Речь идет об устьвымском Синодике, датируемом концом XVIII в. (60—70-е гг.).¹⁷ Полууставное письмо части этой рукописи совпадает с почерком рукописи, содержащей Повесть и Сказание о пермских епископах XVIII в. По записям на Синодике можно установить время, когда начали составлять эту книгу и в продолжение какого периода в нее регулярно заносились имена умерших. На л. 1 скорописью сделана запись, указывающая, что первые имена для поминовения относятся к 1715 г. («Книга, глаголемая Заупокойный синодик устьвымской Благовещенской церкви и великих святителей Стефана, Герасима, Питирима и Ионы епископов Устьвымских чудотворцев, а написана сия книга в лето 7223 г., а от Христова Рождества 1715, и положена к церкви для написания православных христиан ради вечного поминовения»). По листам 3—18 сделана следующая запись тем же почерком: «Сия книга, глаголемая Заупокойный синодик, написан по обещанию некоего христолюбца и положен в Устьвымскую (?) церковь 1715 году марта в 4 день во славу Христа...». И далее на л. 2 об. читается запись, очевидно более поздняя, почерком, близким к гражданскому. Она свидетельствует о принадлежности книги Благовещенской церкви с указанием даты записи (1767 г., 13 июля) и имени священника Стефана Васильева («Сия книга, глаголемая Синодик устьвымской волости церкви Благовещения Пресвятыя Богородицы, казенная, для записки родителей в вечное поминовение. Подписал тоя же церкви священник Стефан Васильев месяца июля в 13 день лета тысяща семсот шестьдесят седмаго году» и внизу листа латинскими и кириллическими буквами «Podpisał swещennik Stefan Wasilewъ»).

Несколько сбивает с толку последующая запись на л. 122 об., в которой говорится, что книга является казенной и принадлежит Архангельской церкви («Сия книга, глаголемая Синодик Усть-Вымской волости Архангельской церкви, казенная, подписал священник Стефан Васильев своеручно. Сия книга города Яренска Усть-Вымской волости Архангельской церкви. Священник»).

Однако на л. 141 об. вновь встречается запись о ее владельце, сделанная тем же самым почерком («Сия книга, глаголемая Синодик Усть-Вымской волости Благовещенской церкви, казенная, подписал священник Стефан Васильев своеручно»), удостоверяющая ее принадлежность.

И наконец, на последнем листе книги (л. 142 об.) мы находим интересную запись, позволяющую сделать некоторые выводы относительно создания данной рукописи. В этой записи указывается, что книга была сделана по

¹⁶ Нам известен текст черновика этой грамоты, любезно предоставленный А. В. Крутиковым, он хранится в НАРК (ф. 286, оп. 1, д. 58).

¹⁷ НАРК, р. 40. Заупокойный синодик Усть-Вымской Благовещенской церкви. XVIII в., 4°, полуустав и гражданская скоропись. Переплет — картон, обтянутый кожей. 200 л.

заказу Стефана Васильева: «Сия книга Синодик Яренска уезду ведомства коллегии экономии Усть-Вымской волости Благовещенской церкви, казенная. Подписал той церкви заказчик священник Стефан Васильев». На этом же листе кроме многочисленных проб пера мы обнаруживаем дату 4 (мая, июля) 1766 года и малоразборчивую подпись латинскими и кириллическими буквами: «...svaщennik Stefan». На форзаце нижней обложки переплета помещена запись тем же почерком, но явно имеющая для владельца рукописи предназначение памятки: «Тысяща семсот пятьдесят девятого года августа 18 дня Яренского».

Подведем некоторые итоги. Заупокойный синодик Благовещенской церкви был переписан с более ранних записей, известных по списку усть-вымского Синодика XVIII в., по заказу священника Стефана Васильева дячком этой же церкви Стефаном Шабалиным. Переписчик скопировал эти записи, составленные в 1715 г., стилизуя манеру письма и типы почерков (полуустав, скоропись). Вероятно, он начал свою работу уже в преклонном возрасте по просьбе будущего священника Благовещенской церкви Стефана Васильева, который перед назначением его в эту церковь был какое-то время священнослужителем Архангельской церкви в Усть-Выми (так можно понимать дату 1759 г. на форзаце). Скорее всего, известный нам Синодик представляет собой книгу, созданную одним переписчиком (переплет картонный в коже, наличие одного типа бумаги XVIII в., единообразие почерка с позднейшими вставками, брошюровка тетради, не имеющей следов реставрации, чистые листы, предназначенные для внесения поздних записей, с соответствующей традиционной разбивкой статей для записей умерших по родам).

Созданная во второй половине XVIII в. рукопись позволяет нам отнестись к подлинности записей, находящихся в ней, с известной долей сомнения, так как редактирование даже такого консервативного по характеру памятника древнерусской письменности, как синодик, заставляет задуматься вообще о достоверности переписанных в XIX в. произведений по истории Пермской епархии. Усть-вымский Синодик представляет собой компиляцию источников из разрозненных записей 1715—1717 гг. и 60-х гг. XVIII в.

Подробный разбор записей в Синодике дает нам основание датировать список Сказания о пермских епископах временем создания усть-вымского Синодика. Подчеркнем идентичность образцов почерка Синодика и Сказания XVIII в. Возможно, что Сказание также было создано Стефаном Шабалиным и Стефаном Васильевым. Не имея других источников Сказания, мы можем предположить, что оно сложилось на основе единственной записи на иконе трех пермских святителей («Лета 7115 году месяца июля в 8 день при великом государе царе и великом князе Василии Ивановиче всея России самодержце и святейшем Ермогене патриарсе Московском и всея России написан бысть сий образ трех святителей Герасима и Питирима и Ионы, епископов Усть-Вымских и Великопермских, чудотворцев, по повелению или по благословению господина архиепископа Иоасафа Вологодтцскаго и Великопермскаго и положен сий образ на гробнице их чудотворцов Герасима и Питирима и Ионы в славу Святыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь»).

Эта запись является заключительной частью Сказания, но в отсылке на источник уже видно редактирование первоначального текста (титулование архиепископа представляет собой словесную этикетную формулу XVIII в.).

Ниже публикуется текст Повести о Стефане и Сказания о пермских епископах по рукописи РНБ, Q. I. 1036.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МЕСЯЦА АПРЕЛИЯ В 26 ДЕНЬ, ПОВЕСТИ О РОЖДЕНИИ, л. 1
ИЖЕ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО СТЕФАНА, ЕПИСКОПА ПЕРМСКОГО,
ЧЮДОТВОРЦА, И О ПРИХОДЕ ЕГО ИЗ РУСИ В ПЕРМСКУЮ СТРАНУ
НА УСТЬ-ВЫМ, И О УСТРОЕНИИ МЕСТА, И О НИЗЛОЖЕНИИ
ИДОЛОПОКЛОННОЙ ВЕРЫ, И О СОКРУШЕНИИ КУМИРНИЦЫ

Бе святы Стефан родися во граде Устюге; сын некоего христороубца именем Симеона, единого от клирик соборныя церкви устюжския; матере же — Марии. Поживе же святой измлада богоугодне и во страхе Божии. И научився грамоте, и упражняяся во чтении книг божественная писания. Суетнаго жития и детского игrania уклоняешся. Сему же прииде любви Божия, еже оставити отечество и имения. И отиде, // и пострижеся во иночески л. 1 об.
чин во граде Ростове в монастыри у Григория Богослова близ епископии, яко книги многи ту довольни суще ему на потребу почитания и душеспасительнаго увету ради, при епископе ростовстем Парфении от руки некоего презвитера Максима, игумена суща, саном почтенна. И во иночестве добре живый, и всегда в подвизех церковных пребывая: и во чтении, и в трудах день и ночь. И превзыде житием и добродетелию всех черноризцев.

И тако за многую его добродетель поставлен бысть в диаконы от Арсения, епископа ростовскаго. По сем — в пресвитеры от Герасима, епископа коломенскаго. И изучився, святы, сам пермскому языку. И грамоту сложи, и азбуку незнаему по предложению пермскаго языка, и книги написа. И немало имеи печаль о Пермстей стране: како, и где, и в которых // приделех, и л. 2
промеж какими реками, и како бы достигнути и ту живущия люди от идолопоклонения обратити ко истинней Христовей вере и в богоразумие и во святое крещение привести. Сице же умыслив святой прииде ко преждедеченному владыце Герасиму, епископу коломенскому, благословитися от него, еже итти в Пермскую страну проповедати слово Божие. Бяше бо в тые дни на Москве не сущу иному никому же, митрополиту Алексию убо ко Господу отшедшу. Тем же рече: «Благослови мя, владыко, да иду в Пермскую страну, и люди научити, и привести в богоразумие и во святое крещение. Или сам главу свою положить за Христа, Бога моего, и за святую веру».

Преподобный же епископ Герасим Коломенский, благословив их, вваде ему от мощей святых антиминсов и прочая потребная, яже подобает на освящение святей церкви, святое миро и священное масло. Святой же прим и помолився Господеву, поиде. // И вниде в Пермскую землю, яко овца л. 2 об.
посреди волков. И прииде на место, нарицаемое Усть-Вым. Водворися ту. Зане то бе место ему во всем по обычаю, паче иных тогда бе лесно. Но обаче Божиим изволением и молитвою святаго место то устроися велми прекрас-

но, якоже о том последи изявися. И помолився Господу Богу, нача обитати при древах. И келлию, и дом молитвенный устрои. Людем бо не бе живущим близ у того места, идеже последи святые церкви и епископия устроися, но яко за пол поприща живяху. Бе же близ того места их, пермян, нечестивая кумирница, к ней же они часто приходяху, мечты деюще, принясше, кто что хочет, и почитаху е, яко бога. Святый же, видя их приходящих к той кумирнице, оглаголоваше словом Божиим и учаше, и обращая от прелести

л. 3 идольской ко истинной вере. Они же нимало преклоня//хуся. Но вси помышляюще, и реша, яко «сей пришедый старец хочет нас от веры наша отворатить во свою веру»; крепляхуся. Не бе бо в том месте много людей.

Во един же убо от дней прилучися от тех людей неколиким быти в дубраве на работе далече, для земляного поделия секущим лес. И пребывшим тамо яко и до десяти дней. Которыи же быша древнии и престарелыя идолопоклонницы в домех, оглаголуемыми от святого Стефана, и нача в них вселятися страх Божий. И помалу времени един по единому преклонятися ко святей вере, а от своея помраченныя веры начаша прекланятися. И приходяху в богоразумие. И крестися во имя Отца и Сына и Святого Духа, яко и до десяти мужей. Егда же тии приидоша из дубравы и познаша, что инии от них обратишася во святую веру и крестися, чающе е, что оглаголуем

л. 3 об. от святого отца. И начаша // о том негодовати и гневаться велми на святого отца. И советоваху, како бы святого от места того отгнать. Ведуще, что обрати святый и всех в богоразумие, «и приведе и не хотевших нас во святое крещение, и будет наша вера вся попрана, и разорится наше древнее житие». А зла святому ничтоже можаху соделати, понеже малоллюдно.

И шедше по реке Вычегде на место, именуема Вишера. И по реке Выме на место, именуема Княжь погост. Ту бо живяху старый Пан-сотник и пермяне. И возвестиша им о себе и о святем Стефане, како прииде и что действует — все порядку. Пан-сотник же собрав много людей, яко и до тысячи и более, и собравшеся, приплывше на устье Выми реки. И стаха на брезе. И начаша о том зле советовати: како бы святого оттуду изгнати, дабы их

л. 4 вера и безбожная кумирница вконец не разо//рена будет. И поиде Пан-сотник и с ним людие пермские к пребывалищу святого. И начаша зле наступати. Хотяху и келию разбити, и святого отгонити или смерти придати. Несяху с собою всяк дреколие, и луки, и стрелы. Но святый видя их тако ярящихся, а сам нимало от такового их злаго нападения убоясь, но силою Божиею запретив им. И абие вси во един час ослепоша и не можаху видити един другаго, кто и где бе. И ничтоже можаху святому зла содеяти. Занеже Господь Бог соблюдаше святого. И начаша они, Пан-сотник и иже с ним пермяне идолопоклонницы, молити святого, дабы Господу Богу молился о их. И дарове, и посулы обещаху ему, и поделение на себе налагающе. И реша ему: «Да не изгоним тебе отсюду». Но святый вся сия дары и посулы ничтоже требуя от них. Но токмо по их прошению даде им поделение: еже // близ того места от келии святого под оною горою на лузе сечи лес и место то очистити. Бе бо на том лузе лес, яко и двум человеком едва обняти. Пан-сотник же и с ним пермский идолопоклонники сие с радостию обещахуся соделати, и предел такому поделию взявши. Святый же помолився Господеву, и абие вси во един час прозреша. И в радости начаша на том лузе лес сечи. И по три дни толиким множеством людей, пришедших пермян, яко до тысяща и более

л. 4 об.

мужей секущим, очистища его, якоже годє святому. Вся же сия строя Бог на ползу в предбудущим родом. Восхоте бо Господь Пермскую страну от идолопоклонения привести в богоразумие и во святое крещение. Место же то, юже очистища, и до нынє скоту лаготно єсть.

И начаща они пермяне к пути ятися. И в той час на брезе раскаяхуся и глаголаху, яко «много святому безмездно соделахом, сами же утрудилешя», и одеждам // на них таковой работе придравшимся. И начаща о найме сетовать. Зело бо о найме стужища, И поденное некое у Пан-сотника просяще. л. 5 И гневахуся на Пан-сотника велми. И глаголаху: «Яко ты нас поработил еси новопришедшему сему старцу». А что прежде в казни и во ослеплении святому обещахся, то все ни во что вмениша. Пан-сотник и с ним мнози идолопоклонницы пермстии паки со берега поидоша на святого Стефана, несяху с собою луки, и стрелы, и дреколие. И на келлию возлєзоша, хотяще ю разломати. А инии в стену ударяюще. А инии, луки напрягающе, хотяще святого от места того отгонити, и с ним новокрестившихся людей всех купно смертью притяху и глаголаху: «Да не можете ни един от нас живы избежати». Святый же нимало убоися и не стужи. И рече к новокрещеным пермяном: «О, людие, братия, не печалуйте и не убоитесь, но имеем надежду на Господа Бога да избавит нас он от всякого зла». И не моги стерпети // тако- л. 5 об. ваго нашествия идолопоклонников и всякаго прещения. И паки помолився святой. Все тии идолопоклонницы во един час ослєпоша, кто и где бе. И лишивше первого очима болезноваша. И не ведуще, что деяти. И промежду собою сєтующе. И прощения у святого хотяху просити, но не смеяху, зане туне святого прогневахом. Обаче надеяхуся на безлобие его, паки приступиша и начаща святого молити и прощения просити, дабы Господєви помолился о прозрении их. И глаголаху: «Вемы, что велик и всемогущь Бог проповедуемый тобою, отче святой, и послушает тебе». И дары воздати обещавшихся святому. И поделием на ся налагающе, или «что годє, святости твоей, честный отче».

Но святой ничтоже требуя, еже взяти. Точию поделю даде им: еже гору ону, на ней же келія святого, окопати, и осыпати, и на разных местех // рвы содеяти. И устроити ю, якоже годє святому. Они же пермяне с радостию сѧ обещавшихся по заповєди святого соделати. И все абие в един час прозрєша. л. 6

И начаща гору ту устроить, осыпи деюще, и три рвы ископаша. И устроиша гору ту велми красну, якоже годє святому. По три бо дни работаша, и не бе има, что ясти. И приидоша ко святому, и просиша себе пищи. Святой же помыслив, что на толихъ народ, яко более тысящи, откуда взяти брашно. Понеже не имея много того брашна. Обаче возложь надежду на Господа Бога, елико име, предложи им точию три хлебы, и три рыбы сухия, и пития сосуд. И благословив брашно то, даде има, дабы има было всем до сытости. Они же пермяне приемше брашно то, мысляху, яко и десяти мужем не быти довольным сим малым // брашном. И начаща ясти, и все насытишася до избытка. И в сытости яде тоя работаху три дни, не ослабевающе. Донеле- л. 6 об. же место гору устроиша, о пищи же той сами удивляющися. И поидоша на брег ко своим ладеицам, и хотяху ехат каждо восвоюси. Вся же сия Богом устроитися хошет.

Зряху бо на ся пермяне, яко одеждам на них придравшимся и мотыки своя притупиша, раскляшася и сєтаваху на святого, что безмездно толики

труд вторицею подяша и место святому устроиша. И паки о найме стужиша. Да о сем, еже святого не изыша. И поидоша со берега ко святому, дабы взять им на три дни за работу найм. И яряхуся на святого паче перваго. И глаголаше кождо их: «Да аще найм у святого что хотим возьмем, а от места того
л. 7 всяко да изгоним, дабы ему на том месте не быть». // И несяху бо с собою всяк, кто что хочет, якоже и прежде разявившеся паче перваго. И глаголаху с воплем: «Утомил ны еси, и не можем терпети толикаво труда, яко вторицею нас поработил еси. Отдаждь нам за работу и доброхотне отиде отсюду».

И наступиша на святого. И на келлию възлезоша, уже начаша и разломывати келию. А инии в стену ударяху, и луки напрягающе. И всеконечно хотяху святого изгнати. Господь же Бог не оставляше святого в толикой беде быти, но милостивно помогаше святому. И не могоша зла никоего святому содеяти. Святой же не стерпе такового их вторицею нахождения. И помолився Господеву. И паки вси идолопоклонницы пермские ослепоша, паче перваго. И не могоша быти в болезни той. И расклявшись, и кричаще, вопияху вси: «Что мы, злии идолопоклонницы пермяне, много досады святому соделахом! // И на велик гнев святого подвигахом! И отсюду не вемы, что соделати. Сами бо чаем, что уже невозможно ко святому приступити и прощения получитьи! Обаче же возложим надежду на прежние его к нам смиренномудрие, дерзнем и приступим ко святому и начнем прощения просити! Но чаем, аще не крестимся, то не¹ имать нас простити! И приступити ко святому со слезами. И прощения просяще, дабы мы вси прозрим. И посулы обещающе святому даяти. И поделеие работати, елико что угодно свято-
л. 7 об. сти твоей, честный отче!»

Святой же нача к молению преклонен быти. Но токмо изрече: «Ничтоже мне требе, о, злии противници, доколе стужаити мни?» Они же неотступно предстояху и непрестанно кричаху: «Помилуй ны!»

л. 8 Святой же паки умилися и рече: «Хотите ли устроити гору, еже // есть на друзей стране речки от оных горы, идеже ваша идолопоклонная кумирница, то прозрите». Они же с радостию обещахася: «Елико угодно святости твоей, честный отче, соделаем и вся устроим». И молитвою святого вси, иже ослепшии, во един час прозреша. И яко никогда же болезноваша.

И начаша гору ту устроить, и окопывати, и осыпи делати, якоже годя святому. И приспевшу времени ядению, приидоша ко святому и испросивше пищи. Святой же даде им брашна, якоже и прежде. Они же приемше, ядоша, и насытишася. И устроивше гору ону, якоже годя святому. И поидоша.

л. 8 об. Егда же приидоша на берег, и един по единому начаша озиратися на ся, и на одежды, и на сечивыа своя, и реша друг ко другу: «Яко много трудихомся пришедшему оному // старцу. Первое — что из домов своих толик путь подяша. Второе — что святому уже угодия соделахом и вся елико ему угодно устроихом. А наш толикий труд ни во что вменися. И всеу мы трудихомся». И вси излиха вопияху: «О, вси мы, несмысленнии пермяне! На то ли мы zde приидохом, что угодная сему старцу соделати? Мы приидохом того старца от места сего изгнати или зле смерти предати, дабы не обратил нашу

¹ Курсив в тексте мой. — А. В.

всю страну Пермскую во святое крещение. Что во ослеплении своем нужду прияша!»

И обещахся то все въ забвение и ни во что вмениша! И все тако разярихся, якоже кождо кто хочет соделати. И сами ся в перси своя ударяюще от ярости. И вси во единогласно кричаще, вопияху: «Паки поидем и немилостивно изгоним святого или сождем. И всяко смерти предадим».

Вся же сия строя Господь Бог да на // большее прославление святому и на л. 9 обращение сия пермския страны от идолопоклонения в богоразумие и во святое крещение.

И поидоша пермяне со берега на ону гору к пребыванию святого отца. Идуше же, завидаху и друг ко другу глаголаху: «Что мы сия угодия соделахом пришелцу сему, и на лузе сем лес очистихом, и соделахом к скотопажити, и горы оны украсихом, якоже годе ему. А по нашему ничтоже содеяся. И всеу мы трудихомся». Идущим же им, болше в ярости распыхахуся. И всеконечно хотяху у святого келию разбити. И самого изгнати, или сожещи, или всяко смерти предати. Поощряющеся и луки, и стрелы, и всякаго дреколия с собою несяху.

И приидоша. И въздоша наверх келии святого. А инии в стену ударяюще; а инии соломы и хвастие несяху, хотяху келлию и дом молитвенный сожещи, глаголюще с воплем великим, // и гневом, и яростию ко святому: л. 9 об. «Да не тако бысть, якоже прежде. Ныне бо да не отидем отсюда, дондеже тебе не изгоним, или не сождем, или не убием».

Святой же о сем нимало убоясь, но помолився Богу паки. Вси абие ослепоша, и умом быху смятени вси, и сами себе не ведуще. И беша в таковой скорби велми дряхли, и уныли, и печални, глаголюще: «Яко туне на святого по премногу наступихом и такие досады нанесохом, како можем стерпети. Уже бо не имамы отныне инако прощены быти. Вемы, что не можем избежать. Уже бо приближися час воли Божией и святого отца быти. И како уже приступим всестрасстнии». От скорби же и болезни едва изрещи возмогоша. И глаголаху сами себе: «Приступим еще ко святому отцу Стефану и помолим его, дабы мы прозрим». Реша же и сия сами к себе: «Аще и не восхощет нас // инако простити, обаче уже прииде час, да святое л. 10 крещение и нам и нехотевшим прияти. Инако же не имамы испросити у святого прозрения. Воистинну изволение Господа Бога исполнитися хошет на нас».

Паки дерзнуша идолопоклонницы пермстии и злии богопротивницы ко святому, и приступивше со слезами, и прощения о всем своем злом дерзновении просяху. И с воплем кричаху: «О, святче Божий! Великий угодниче, святой Стефане! Прости нас и помолися о нас Господу Богу, дабы мы вси прозрим! Не можем бо в таковой болезни нимало пребывать, аще бо и многаяжды досадихом, уже бо отселе не имамы досадити тебе. И не будем тебе никакого зла чинити». Святой же Стефан нимало воспомянув их всякаго злодеяния, видя бо, что уже преклонены к страху Божию, и не имут инако // прозрети, аще не обратятся в богоразумие и не приступят во святое креще- л. 10 об. ние. И радуясь о сем, яко хошет Бог ему святому желаемое исполнити, многое бо брався и терпением победив. Тем же рече: «Аще не креститесь во имя Отца и Сына и Святого Духа и не восхочете познати Святую Троицу, не имате прозрети».

Они же со слезами вопияху: «Воистинну хощем познати святую веру и креститися точию, да прозрим всецели!» Святый же видя их непреложный разум и обет, помолився Господеви. И паки вси идолопоклонницы пермстии в той час абие ясно очима все цели прозревше. Да не токмо очима, но и сердечною мыслию к Богу прибегоша и возопиша со слезами: «Велик и долготерпелив Господь Бог! И ты, святый отче! Яко великия досады тебе нанесохом, ты же, святче Божий, ни о чем нам стужив, но // вся сладце стерпе Стефане». И мнози, яко и тысяща мужей, в радости крестишася во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Пан-сотник же и с ним мало людей еще не восхотеша креститися, отидоша.

И иже крестившиеся вси, тии начаша ко святому приходити часто, и поучатися, и слышати божественная писания, и взирали на святую службу. И нача стадо Христово умножаться. Святый же велми о сем радостен, яко много брався и победил противников. И не по мнозе времени на ону гору, юже преждевременно идолопоклонницы поделаша, на том месте он, святый Стефан, церковь построив во имя Пресвятыя Богородицы Честнаго Ея Благовещения.

Во един же от дней восхоте святый Стефан идолопоклонную кумирницу искоренити, а вместо тоя кумирницы устроить божественное служение и монастырь возградить. // Бе бо идолопоклонная кумирница при древе, рекоемое береза. Древо же то велико, яко трем человекам едва обняти, бе же велми прокудливо и православным людям на велию пакость. Много бо у того древа всякаго их, идолопоклонников, приношения животных, много зверинных кож. Но святый вся сия ни во что вменив и не едино же от сих возьмет, но восхоте вся огню предати. Некогда бо явился ему Господь Бог в нощи и повеле тую кумирницу до конца необязненно искоренить, а в то место устроить божественное обиталище. И помолився святый Господеви, прииде и нача тую кумирницу и оную березу сечь. И в поте трудился секий. От древа же того слышахуся многия и различныя гласы, и вопли, и пискания мужескими и женскими и младых отрочат, воздушных нечистых духов и речения, яко «изгоняеши нас отсюда! Яко: Наше древнее обиталище!» Святый же нимало убоясь такового страхования, но с молением секий. От древа же того в сечиве и крови текшей: овогда синя, овогда зелено, и всякими виды. И не возможе святый древо то за величеством пресечь, отыде. Секиру же оставль при том древе воткнуену.

И в другой день паки святый прииде. И обрете древо то все цело стоящо. Секира же при том древе на земли лежит. Святый же удивляся; и мнози с ним люди новокрещении стояще, дивляхуся. И мняху: «От того древа святому каковыя пакости не ключилось. Они пермяне идолопоклонницы издавна зело ю почитаху, яко бога, и приношаху, и привешиваху, а никтоже // смеяше оттуду взяти. Но и в помысле сего не дерзаху делати. Или пресечи хотя малую ветвь, или уторгнути. Аще ли кто что от древа того да возмет или отторгнет, и за то великую казнь таковый да воспримет, искрывает бо и изломает нечестивая воздушная сила». Но святый Стефан надеяся на Господа Бога необязненно паки помолився Господеви, нача сечи, трудяся от утра и до вечера, в поте секий. Вопли же и кричания всем слышахуся от древа того лишше перваго. И человечески кричаху воздушнии нечистии дуси: «Гониши нас отсюда, Стефане! А сие наше есть древнее пребывание и за величеством еще не пресечеса!»

В другую бо ночь паки явися Господь Бог, глагола святому: «Дерзай и не бойся! Аз ти повелеваю — изкорени и из//пепели. Аще ли не соделаеши, то велика обида от тоя кумирницы в предбудущим родом верным людем будет». Святый наутрие, востав и помолився Господу Богу, паки нача сечи, якоже и прежде. Егда же приближашеся что уже к падению пресекашися, собра святыи единоверных всех, близу себе сущих: каково будет падение древа того прокудливаго, мня некоего знамения. Древо же то, подсекашися, паде с воплем и многим кричанием и вихром, яко и земли потрястися и водам близу места того восколебашеся. Святыи же повеле древо то на части, аки на дрова, сечь, и сам секи. Егда же изсекоша, нача собирати в грамаду и класти долу сухих дров. А поверх того древа насеченное дровие накладе и сухия соломы, зажже, дабы сгорело // сие и с привесами оными. Егда же за- л. 13 об. жже, тогда всем людем ту сущим повеле с мотыками и лыскари стояти. И заповеда: «Аще ли что из пламени того да проскочит, дабы вметать во огонь». Пламя же велми зияя, и вся сгоре. И тако сконча святыи Стефан безбожную идолопоклонную кумирницу.

И на том месте святыи восхоте и церковь воздвиже во имя Святыи Архистратиги Михаила и Гавриила и прочих Небесных Сил, да победят мечтательную силу вражию. И монастырь устроив, последи же и другую церковь во имя великаго святителя Николы Чюдотворца поставль во славу Христа Бога Нашего и на похвалу в предбудущим родом.

Сие святыи и равноапостольный Стефан прииде в Пермскую страну и водворися на месте, глаголемем на устии Вы//ми реке. И места устроив, и во святое крещение и в богоразумее приведе, и кумирницу низложи. Последи же и епископия устроися. Многа же ина озлобления от неверных и от некрещенных претерпе, якоже в житии его изявится. л. 14

ИЗЯВЛЕНИЕ О НАЧАЛЕ ПЕРМСКОЙ ЕПИСКОПИИ, ЕЖЕ БЫША НА УСТЬ-ВЫМИ ЕПИСКОПИ

Первый на Усть-Выми Стефан епископ пермский, чюдотворец, еже научив пермян и обратив ко Христовей вере; и крестив и грамоту по пермску языку составив, и святыя книги написав; и // волхва Пан-сотника припрев; и монастыри многия и церкви святыя в Пермстей стране устроив в лето 6880 (1372-го). Преставися же святыи Стефан епископ в лето 6904 (1396-м) месяца априлия в 26 день. Мощи же его лежат в царствующем граде Москве в Спасском монастыре на царstem дворе. Пространнее же о нем писано в его житии. л. 14 об.

По Стефане епископе на Усть-Выми бысть епископ Исакий. А сколько во епископии на Усть-Выми поживе, и како преставися, и где погребен бысть — о том не обретесе нигде.

По Исакии епископе на Усть-Выми бысть епископ Герасим чюдотворец, о его же кончине неции совершенно повествуют ситце.

Прилучися святому отцу Герасиму, ехавшу путем, на некоем месте, // на Усть-Вымском лугу, близ Устьвымска городка, за мало стадий от соборной церкви отстоя, удушен бысть святыи за нечто от своих домочадец. Неповинно кончину восприя святыи месяца генваря 24 день. А в которые годы л. 15

святый Герасим на Усть-Выми во епископстве пребы и кончину восприя — о том много трудившись, искахом, и не обретохом. Мощи же святого отца честне положены в его епископию на Усть-Вымь, в церкви лежат; чюдеса и много исцеления подают приходящим с верою и до сего дне, во славу Христа Бога Нашего.

л. 15 об. По Герасиме епископе на Усть-Выми бысть епископ Питирим чюдотворец. О кончине же его некими достоверно обретоша, что восприя кончину от иноверных некрещенных вогуличь-вятчан, умучен // святый Питирим епископ, за Христа пострадав, скончася месяца августа в 19-й день, будучи в шестии святому со своими служители и домочадцы на лузе, зовом Мыс, что промежду двема рекама Вычегдою и Вымью, от Устьвымска городка стоит за едино поприще. По убиении же на том месте, идеже святый Питирим умучен бысть, тело его святое лежаше сорок дней ничим вредимо, цело, и никакову тлению прикоснувшись, в августе и в сентябре месяцев, хранимо во обрубе, дондеже о нем писание в царствующий град Москву послася и паки возвратися. И положено тело святого отца цело и невредимо с надгробными псалмы и песнями честне, спрятавшие в его епископию на Усть-Выми близ телесе отца Герасима, епископа Усть-вымского, чюдотворца, л. 16 по левую // страну мощей святого Герасима лежа. Идеже и до ныне в церкви чюдеса и много исцеления подавая с верою приходящим и до сего дне во славу Христа Бога. А в которые годы святый Питирим на Усть-Выми во епископии пребыл и кончину восприя — о том прилежно искахом, но не обретохом.

О КОНЧИНЕ СЯТАГО ПИТИРИМА

Кончина же отца Питирима епископа сие бе. В день недельный прилучися некоему от иноверных отите от Устьвымска городка для некоего орудия по реке, зовомой Вычегде, от Устьвымска городка за пять поприщ, именуемо Юром. В тех местех живяху иновернии некрещенные поганцы, рекнии вогуличи-вятчане. И они вогуличи того преждедеченного человека, что от Устьвымска городка, емше, вопросиша о пребывании, что в городке Устьвымском деется. Вопросиша же лукавно и // про самого архиерея тогда бывшаго на Усть-Выми, святаго отца Питирима; како пребывает и не хочет ли где для отшествия на сторону куда отити. л. 16 об.

Человек же той, не ведая их, поганых, лукаваго злохитрства, поведи им всю истинну, и о святем отце Питириме, яко в сей день неделный по святей литургии хочет архиерей Усть-вымский приити на место, зовомо Мыс, что промежду двема рекама, глаголемыми Вычегдою и Вымью, на луг со своими служители и домочадцы. Они же погании, иже от Вятки на то пришедшии, сия от христианина слышавше, велми возрадовашася, зане уже долгое время ожидающе такова прилучая. И многжды наступающе, како бы на святаго приити, и умучати, и смерти предати. Понеже велми гневахуся на святаго отца, что нехотящих их святый еретиков можаше к вере православной и ко святому крещению обращая. // Но никакоже можаху желание свое исполнити, зане Бог не попусти. Сим же вышереченным искушением пошрившеся тии погании вогуличи-вятчане, хотяше весьма гнев свой неправед-

ный исполнити. И злохитрство умыслиша сице, како бы святого учинити и смерти предати, идеже хошет святой приити.

О, злое злых вагуличь-вятчан злохитрство! Вьскоре от различных мест собрашеся на луг, зовомый ту верными христианами и доньне Вятцкий наволоок, дабы им видимо было святого отца шествие. Совет же сотворше, како бы на святого приити, и при брезе реки Вычегды совещаашася. И на другой стране реки насекоша древ, сырых елей со отросли, и напустиша на воду, готовяще. И друг за друга те древа привязующе, сами же вогуличи хотяще на тех древах // со отростилем наплыти ко оному месту, идеже святой л. 17 об. хошет приити, и времени того часа прилежно ждуще.

Святой же отец Питирим, епископ Усть-вымский, в день той неделный святую службу литургию в церкви соборной соборне совершив, а еже что хошет быти, о том никому не поведает. Пойдет со своими служители и домоладцы на место, зовомое Мыс, на луг. И бывшу святому на том лузе мало время, узреша же тии немилосердии вогуличи-вятчане. И в курье вышпереченного Вяцкого наволока собрашеся на вышепомянутых оных древах во отростелях, и поплывше вниз по реке Вычегде. Людие же, со святым пришедши, видяще, что необычен лес в сицевое время пловет, о том мятущеся, а истинны не ведуще. Святой же о сем в тайне проразсуждал // и уразуме, л. 18 что хошет быти. Проуведав свою кончину, восхоте бы добровольне пострадати за Христа Бога и кончину восприяти. И рече ту сущим людям, с ним пришедшим: «Чада моя любезная, время моего отшествия от сего жития приходит, уже бо восхоте Господь Бог мой предати мя немилосердным вогуличам на смерть, и час мой уже приспе. Аз же готов есмь умерети за Господа Бога моего. Вам же, чадам моим, всем оставляю мир и благословение, а сами вскоре отидите от мене, дабы и вас не постигла некая беда, нехотящих вкупе со мною в сий час умерети за Христа Бога. Аз бо не хочу укрытися или бежати, но хочу за Христа Бога и за святую веру православную мучение прияти, и смерть вкусити готов есмь». Людие же теи, иже беша со святым на лузе том, таковая словеса // слышавше, печальны быша, занеже той святой л. 18 об. Питирим велми милостив бысть и кроток и со смирением уча и наказуя их. И начаша о том проразумевати, и готовяхуся бежати. Святой же в тоя время токмо Богу моляся.

Егда же приплыша тии жестосердии вогуличи-вятчане того места, идеже святой Питирим, и присташа. И вскоре с тех древ на брег поскакавше, побегоша, дабы скорее яти святого. А людие же, с епископом Питиримом бывшие, токовое с яростию оных безбожных вогуличь на святого бегание видяще, ужасшеся, и побегоша, кои где можаше. Святой же на том месте оста един. Немилосердии же вогуличи-вятчане и жестосердии, како не сжалиша, видеша святого Богу молящася и готовящася добровольне на муки вдатися и смерть восприяти. И // твердо наступивше, и с яростию яша святого, и един по единому начаша бити. И умучиша святого, и смерти придавше л. 19 неповинно. Потом же сами, яко злии кровопийцы, отидоша с радостию, яко получиша свое желание.

Сице пострада святой Питирим, епископ Усть-вымский, чудотворец, и добровольне за Христа от безбожных вогуличь-вятчан пострада. И кончину восприя, и мзду и венец от подвигоположника святительства, и мучения прием от Владыки Спасителя Господа Нашего Иисуса Христа, месяца авгу-

ста 19 день. Тело же его святое лежаше на том месте, идеже убиен бысть 40 дней во обрубе, хранимо верными, ничимже вредимо или тлению коснутися, но цело и нетленно, дондеже о нем писание известное послася в царствующий град Москву ко благоверному князю и // ко всему освященному собору и паки с Москвы возвратися. И того места честное и святое тело святого отца честне со псалмопением, якоже подобает, взявше, погребоша в его епископию на Усть-Вым в церкви близ телесе святого Герасима епископа, прежде того бывшего, по левую страну, идеже и доныне лежат, творяще различная чудеса и исцеления подавая с верою приходящим и до сего дне.

По Питириме епископе на Усть-Выми бысть епископ Иона, чудотворец. А в которые годы и колико во епископстве пребыв — о том тружашеся, не обретохом. Но токмо обретохом о преставлении святого, на некоторых хартийцах у неких христороубцев написано ситце:

Преставися святой Иона, епископ, Усть-вымский чудотворец, в лето 6979 (1471) году июня в 6 день. И // положено бысть святое тело его на Устьвыми во своей его епископии близ мощей святых в церкви по левую страну Герасима и Питирима, епископов Усть-вымских, чудотворцев; с надгробными псалмопением проводивше честнее, идеже и доныне вси трие вкупе почивают и чудеса творят и исцеления различно подают с верою приходящим и до сего дне во славу Христа Бога нашего. И над их мощами чудотворными по их кончинах вскоре устроена церковь святая во имя их великих святителей Герасима и Питирима и Ионы, епископов Усть-вымских, чудотворцев, и святая икона написана. И по множеству чудес и различному их исцелению начаша мнози люди от различных стран стекатися и молитися в различных скорбех, и исцеления приемлюще. И таковым чудесем // и празнества им святителем по вся лета уставися празновати всенародно: Месяца генваря в 24 день празнуем иже во святых отца нашего Герасима, Усть-вымскаго чудотворца. В той бо день удушен бысть святой Герасим от своих домочадец. Месяца июня в 6 день празнуем преставление иже во святых отца нашего Ионы, епископа Усть-вымскаго, чудотворца; в той бо день преставися святой Иона. Месяца августа в 19 день празнуем убиение святого священномученика Питирима, епископа устьвымскаго, чудотворца; в той бо день убиен бысть святой Питирим от поганных вяцких вогулич.

Обще же всем трем святителям Герасиму и Питириму и Ионе празнуем месяца генваря в 29 день. А в которые годы // святые чудотворцы Герасим, и Питирим, и Иона в епископии на Усть-вымь прибыша — того искахом, и не обретохом, понеже на Усть-выми великия пожары на святые церкви часто быша и многи церковныя потребы, и святые иконы, и книги в пожарах оных погореша. Елико же проуведехом о святых и великих устьвымских чудотворцев, сия вашей любви возвестихом, аще же проуведати вперед желаем.

Провозвешаеи же вам и о иных, еще бывших по оных преждедеченных, других епископов на Усть-выми. По тех еще было пять епископов, а шестой епископ преведен с Усть-выми на Вологду, их же имена заупокойных синодик изьявляет и святая церковь поминает.

По Ионе епископе на Усть-выми бысть Филофей епископ. //

7. По Филофеи епископе на Усть-выми бысть Никон епископ.

8. По Никоне на Усть-выми бысть Пимен епископ.

9. По епископе Пимене на Усть-выми бысть Алексий епископ.

10. По Алексии епископе на Усть-выме бысть Киприян епископ.

11. По Киприяне епископе на Усть-выми бысть Иоасаф епископ. Сей Иоасаф епископ преведен с Усть-выми, из Пермской епископии, на Вологду и наречен Иоасаф, епископ Вологодцкий и Великопермский. И от того времени епископы и архиепископы начаша быти на Вологде и до сего дне, а в Пермстей стране на Усть-выми последи того епископи не быша. А в которые годы с Усть-выми епископия // на Вологду преведена или откуду л. 22 родом, и где епископи погребены — о том не вемы, проуведати же о том вперед желаем.

О СВЯТЕЙ ИКОНЕ ВЕЛИКИХ СВЯТИТЕЛЕЙ
ГЕРАСИМА И ПИТИРИМА И ИОНЫ, АЖЕ НА ГРОБНИЦЕ ИХ

Лета 7115 (1607) году месяца июля в 8 день при великом государе царе и великом князе Василии Ивановиче, всея России самодержце, и при святейшем Ермогене, патриарсе Московском и всея России, написан бысть сий образ трех святителей Герасима и Питирима и Ионы, епископов Усть-вымских и Великопермских, чудотворцев, по повелению или по благословению господина архиепископа Иоасафа Вологодтцаго и Великопермскаго. И положен сий образ на гробнице их чудотворцов Герасима и Питирима и Ионы в славу Святыя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.